И. Л. Андреев

К. МАРКС О СТРУКТУРЕ И ЗАКОНОМЕРНОСТЯХ РАЗВИТИЯ ПЕРВОБЫТНООБЩИННОЙ ФОРМАЦИИ В КОНСПЕКТЕ КНИГИ Л. Г. МОРГАНА «ДРЕВНЕЕ ОБЩЕСТВО»

Сто лет назад, в 1877 г., в Нью-Йорке вышла в свет книга малоизвестного тогда американского этнографа Льюиса Генри Моргана «Древнее общество, или исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации».

Не сразу по достоинству оцененная современниками книга Моргана явилась тем не менее важным событием в научной жизни конца 70-х годов XIX в. Та первичная социально-экономическая структура, к определению которой шли путем напряженных теоретических исканий основоположники марксизма, те загадочные и малопонятные формы социальной организации и поведения далекого прошлого, о которых смутно догадывались, пристально вглядываясь в архаические обычаи общины, И. Я. Бахофен, Г. Л. Маурер, М. М. Ковалевский и многие другие исследователи,— все это вставало со страниц «Древнего общества» как живая и волнующая, простая и мудрая, родовая организация, самим фактом своего существования подтверждавшая и конкретизировавшая основные принципы диалектико-материалистического понимания истории, открытые К. Марксом и Ф. Энгельсом.

Недаром публикация исследования Моргана привлекла пристальное внимание основоположников марксизма, получила с их стороны чрезвычайно высокую оценку и оказала значительное влияние на дальнейшую разработку ими общих закономерностей истории человечества, особенно ее истоков — первобытнообщинной общественно-экономической формации.

Оценивая громадный вклад Л. Г. Моргана в историческую науку, Ф. Энгельс писал: «Морган в Америке по-своему вновь открыл материалистическое понимание истории, открытое Марксом сорок лет назад, и, руководствуясь им, пришел при сопоставлении варварства и цивилизации в главных пунктах к тем же результатам, что и Маркс» [1].

К. Маркс получил экземпляр чрезвычайно редкого в Европе «Древнего общества» от своего русского «друга по науке» М. М. Ковалевского. В период между октябрем 1880 г. и началом февраля 1881 г. К. Маркс составил подробнейший конспект фундаментального труда крупного американского этнографа. По мнению Ф. Энгельса, К. Маркс, «судя по очень подробным выпискам из этой книги, сам хотел познакомить с ней немцев» [2].

---

[1] *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 21, с. 25.
[2] *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 36, с. 97.

К. Маркс и Л. Морган: общая теория исторического процесса и открытие универсальности рода

Главная научная заслуга Моргана — открытие универсальности рода как первичной социальной ячейки и основного русла развития общественных институтов первобытнообщинного строя. Понимание исторической сущности рода помогло глубже осмыслить и аргументированно объяснить закономерный переход от первобытнообщинной формации к классово-антагонистическому обществу. Важно также подчеркнуть, что Морган тесно связывал стадии развития родовой организации с последовательными ступенями прогрессивного развития основных форм хозяйственной деятельности людей. К. Маркс в своем конспекте оттеняет прежде всего эту материалистическую сторону концепции Моргана.

Данное обстоятельство необходимо особо отметить, ибо Морган отнюдь не был последовательным материалистом. В его исходных методологических позициях немало идеалистических и метафизических предрассудков, господствовавших в умах ученых того времени. В частности, Морган неоднократно ссылается на деятельность Великого Разума, когда говорит об изобретениях и открытиях как главной движущей силе материального производства, об идеях семьи, управления и собственности как источнике развития соответствующих реальных общественных процессов и институтов, он явно преувеличивает роль идеальных факторов — интеллекта, страстей, стремлений людей в историческом развитии в ущерб объективным предпосылкам последнего и т. п.

В своих взглядах на характер исторических изменений Морган был эволюционистом [3]. Он фиксировал прежде всего преемственность и постепенность в развитии социальных институтов, оставляя в тени скачки и перерывы постепенности, отдавал большее предпочтение исследованию форм и сохранности, нежели содержания и динамизма общественных явлений, стремился отыскать реликтовые аналоги развивавшихся позднее государственных и общественных форм, а потому, возражая против модернизации первых, нередко был склонен архаизировать последние. Эволюционизм Моргана проявился, в частности, в попытке вывести структуру государства и все богатство последующей общественной жизни «напрямую» из функций, институтов и тенденций развития рода.

К. Маркс в своих выписках обращал особое внимание на те места книги Моргана, где речь шла о событиях и процессах, связанных с переломами, поворотами общественного развития. Это отразилось на характере конспекта, в подчеркнутых и выделенных местах, хотя прямой полемики с Морганом Маркс не ведет, ограничиваясь небольшими, но нередко принципиальными замечаниями по некоторым проблемам.

Естественно, встает вопрос: почему же, отталкиваясь от идеалистических посылок, Морган приходит к выводам явно материалистическим и к отнюдь не чуждым диалектики рассуждениям? Например, в заключительном абзаце «Древнего общества» говорится о неизбежности грядущего возрождения свободы, равенства и братства древних людей на качественно новой, созданной развитием буржуазной цивилизации материальной основе.

Чем это объяснить? Во-первых, Морган был очень добросовестным исследователем. К материалистическим выводам его вела сама объективная логика изучаемых им процессов.

Во-вторых, длительное время наблюдая жизнь индейцев, их суровую повседневную борьбу с природой за средства существования, Морган

[3] Может быть, этому способствовало увлечение Л. Моргана изучением животного мира (он написал монографию «Американский бобр и его труд», лично встречался и поддерживал отношения с Ч. Дарвином), благодаря чему основательно воспринял эволюционные концепции биологии своего времени. См. *М. Косвен.* Льюис Г. Морган. Его жизнь и учение. Л., 1934.

уделил колоссальное внимание хозяйственно-производственной деятельности людей и семейно-родственным отношениям как общественной структуре, в которой осуществляется производство самого человека.

Этнографические материалы, кропотливо собранные и талантливо обобщенные американским ученым, дали толчок творческой мысли К. Маркса в направлении существенного уточнения и детализации общей теории всемирно-исторического процесса, разработанной им совместно с Ф. Энгельсом.

Место рода в древней истории: род, семья, племя, каста, община

Оценивая значение открытия родовой организации — основного звена моргановской концепции древней истории, Ф. Энгельс писал: «Впервые римский и греческий gens получил полное объяснение на примере родовой организации дикарей, в особенности американских индейцев; таким образом, найдена прочная база для первобытной истории» [4].

В связи с трактовкой Морганом рода как исходной ячейки и фундаментальной структуры древнего, первобытнообщинного общества К. Маркса, естественно, особенно интересовала методологическая проблема соотношения рода с уже известными науке социальными институтами той эпохи.

Род и семья. К. Маркс особенно тщательно конспектирует открытие Моргана, заключающееся в том, что род генетически предшествовал моногамной семье, ибо до появления «Древнего общества» господствовали противоположные взгляды: род рассматривался либо как результат развития семьи, либо как форма объединения ряда семей, трактуемых в качестве исходных социальных единиц. Семья развивается в недрах рода как его противоположность, как сила, его подрывающая, и, в конце концов, уничтожающая (в «союзе» с частной собственностью и государственной властью) первобытное общество. Водораздел между родом и семьей, инертность систем родства и динамизм реальных семейных отношений — одно из основных противоречий, ведущих к гибели родового строя. О пристальном внимании и тщательности исследования Морганом традиционной терминологии родства и скрывавшихся за ней реликтовых социальных форм свидетельствуют приведенные в книге колоссальные таблицы, включающие 176 наименований родственников у гавайцев и ротуманцев, 219 — у сенека-ирокезов и тамилов, 157 — у римлян и 154 — у арабов [5].

«Семья, — выписывает К. Маркс, — активное начало, никогда не стоит на месте, переходит от высшей формы к низшей. *Системы родства, напротив*, пассивны: *лишь через долгие промежутки времени* регистрируют *они* прогресс *семьи, и радикально изменяются только тогда*, когда *семья уже радикально изменилась*» (стр. 242) [6]. «Точно так же, — добавляет К. Маркс от себя, — обстоит дело *с политическими, религиозными, юридическими и философскими системами вообще*» (там же). В другом месте К. Маркс, возвращаясь к этой мысли, пишет: «Род, раз возникнув, продолжает оставаться *единицей* общественной системы, в то время как *семья подвергается большим изменениям*» (стр. 329).

Анализируя процесс образования моногамной семьи, К. Маркс заносит в конспект мысль Моргана о парной (синдиасмической) «только от-

---

[4] *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 36, с. 97.

[5] *Л. Г. Морган.* Древнее общество, или исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации. Л., 1934, с. 235—244, 257—268, 289—299.

[6] Здесь и далее в тексте в скобках дана нумерация страниц конспекта К. Маркса (*К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 45).

части обособленной семье» с преобладанием материнского счета родства и соответствующего порядка наследования, но несущей уже в себе и зародыш отцовской власти» (стр. 250), видя в ней « *зачаток моногамной семьи*» (стр. 245). При этом К. Маркс делает целый ряд ссылок на южных славян и русских крестьян (до и после освобождения от крепостного права), у которых хозяйственная слабость отдельных малых семей компенсировалась коллективным ведением хозяйства, а община (вначале домашняя, большесемейная, а затем складывающаяся на ее месте сельская) играла роль связующего звена между нередко скрепленными узами родства, но вместе с тем уже отчетливо моногамными семьями (см. стр. 245, 246).

Только развитие рабства (а позднее — капитализма) приводит к освобождению семьи от родо-племенных и вырастающих из них общинных связей, к моногамии и полной хозяйственной самостоятельности отдельных семей. К. Маркс писал в этой связи: «Действительно, *моногамная семья*, чтобы иметь возможность существовать самостоятельно, изолированно, предполагает везде наличие *класса прислуги*, которая первоначально всюду состояла непосредственно из *рабов*» (стр. 250).

В отличие от Моргана К. Маркс гораздо шире и глубже выявляет объективные внутренние противоречия моногамной семьи как социальной ячейки эксплуататорского общества, видя их корни не только и не столько в пережиточных институтах рода (к чему невольно склонялся автор «Древнего общества»), сколько в самом характере общественно-экономических систем, пришедших на смену родовому обществу. «Современная семья, — резюмирует К. Маркс, — содержит в зародыше не только servitus (рабство), но и *крепостничество*, так как она с самого начала связана с земледельческими *повинностями*. Она содержит в *миниатюре* все те антагонизмы, которые позднее широко развиваются в обществе и в его государстве» (стр. 249, 250).

Р о д и п л е м я. К. Маркс в своих выписках особо фиксирует внимание на универсальности рода как исходной ячейки социальной организации, обнаруженной на всех пяти обитаемых материках, и на его исторических модификациях. Род прошел в своем развитии ряд последовательных, закономерных стадий.

В исторической концепции Л. Моргана род и племя неразрывны. Род не существует вне племени как формы социальной организации родов и состоящих из них фратрий. Единство рода и племени проявляется в построении последнего по кровнородственному принципу личностных отношений, объективно присущих первому. Их противоположность зарождается вместе с архаической представительной демократией, по мере передачи рядовыми членами рода все большей части своих полномочий в сфере обсуждения общественных дел определенному кругу лиц (вождей и старейшин). Последние вследствие этого исполняют управленческие функции все более в ущерб участию в непосредственной хозяйственной деятельности. Особенно явно названная тенденция проявляется в процессе формирования союзов (конфедераций) племен. Собственно родовые, первобытнодемократические институты расшатываются. Складываются предпосылки их крушения. Они заключаются в «расщеплении» прежде единой, слитой с членами рода и основанной на личных отношениях общественной власти, в появлении многообразия форм и структур власти в племени и главным образом на уровне союза племен. В основе данного процесса лежали объективные процессы дифференциации форм производственной и управленческой деятельности людей, дифференциации форм собственности и развития имущественного неравенства членов рода, углубляющегося различия между людьми, наделенными властью и общественными полномочиями, и людьми, зависимыми от них. В этом смысле можно понимать тезис Ф. Энгельса, сформулированный им позднее в «Происхождении семьи, частной собственности и государства», о

том, что племя — естественная граница родового строя, а союз племен — уже начало его разрушения [7].

Р о д и к а с т а. К. Маркс, делая выписки о соотношении рода и племени как одном из главных направлений эволюции родовой организации, вместе с тем обращает внимание на возможность другого пути трансформации последней. Вскользь упомянутое в письме Д. Джибса Моргану деление племени луше, или кучинов, на три общественных степени или класса, названных автором письма кастами, наводит К. Маркса на размышления о том, что «как только между *кровнородственными родами* возникает *различие в ранге*, это вступает в противоречие *с родовым принципом*, и род может окаменеть и превратиться в *касту* — свою противоположность!» (стр. 313). И хотя Морган разъясняет, что речь идет о различающихся по рангу тотемах, К. Маркс ставит вопрос значительно шире: «Не может ли деление на *роды*, особенно когда к принципам родового строя присоединяется влияние завоевания, дать мало-помалу повод к *образованию* из родов *каст*? Тогда возникает запрет *брака между различными родами*, совершенно обратный *архаическому правилу* запрещения браков *внутри одного и того же* рода» (стр. 313).

Характерно, что современные исследователи индийских каст по существу подтверждают высказанную в конспекте книги Моргана гипотезу К. Маркса о генетической связи последних с родо-племенной системой. Индийский ученый-марксист Д. Чаттопадхьяя пришел к выводу, что организация земледельческой касты андх в Центральной Индии «поразительно похожа на классическую структуру племенной организации, изученной Морганом» [8]. Сравнительная диаграмма племени сенека и касты андх выявляет аналогичный принцип организации данных систем. Исходной единицей в обоих случаях является экзогамный род, за которым закрепляется название тотема, обычно животного. Данная тенденция нашла отражение и в работах советских индологов. Так, Б. Я. Волчок выявила две тенденции кастообразования: постепенное превращение племен в касты и группы кастового типа, а также процесс кристаллизации каст внутри племен [9] (по типу, теоретически сформулированному К. Марксом). «Сходство кастовой организации с родо-племенной, — резюмирует М. К. Кудрявцев, — не только внешнее. Кровное родство и родственные отношения пронизывают всю кастовую систему и до последнего времени продолжали играть важнейшую роль в индийском обществе» [10]. «Родственные связи, стягивающие касту и кристаллизирующиеся в эндогамии, вероятно, сохранят свое значение еще долго», — к такому выводу приходит А. А. Куценков [11]. Вместе с тем вряд ли правомерны попытки прямого отождествления кастовой иерархии с классовой структурой типа «каста — это класс при примитивном уровне производства» [12]. Методологически гораздо более плодотворной представляется попытка Л. Б. Алаева выявить в строении сельской общины соотношение кастового, правового и классового деления деревни, проанализировать противоречивое единство классовых, кастовых и правовых (в том числе родственных) отношений [13].

Мысль о кастах возникает вновь, когда К. Маркс конспектирует то место книги Моргана, где речь идет о двух аналогичных по целям, сред-

---

[7] См. *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 21, с. 99.

[8] *Д. Чаттопадхьяя.* Локаята Даршана. М., 1961, с. 230.

[9] *Б. Я. Волчок.* Племя и каста (на примере народов Центральной Индии). М., 1964, с. 2, 3.

[10] *М. К. Кудрявцев.* Община и каста в Хиндустане. М., 1971, с. 43.

[11] *А. А. Куценков.* Касты, классы и проблема социальных конфликтов в Индии.— «Рабочий класс и современный мир», 1974, № 4, с. 130.

[12] *Д. Косамби.* Культура и цивилизация древней Индии. М., 1971, с. 60.

[13] *Л. Б. Алаев.* Социальная структура индийской деревни. М., 1976, с. 24 и др.

ствам и результатам социальных экспериментах, предпринятых в Греции и Риме, а именно о попытках вытеснить родовое деление населения профессиональным, объединив его по типу занятий в своего рода цехи со своими собраниями и религиозными обрядами. К. Маркс в данной связи пишет, что если бы такое мероприятие имело успех, «это придало бы *родам* характер по преимуществу *ремесленных организаций*. По крайней мере тем родам, которые жили *в городе*» (стр. 362).

Уместно напомнить, что еще в письме к П. В. Анненкову в 1846 г. К. Маркс рассматривал кастовый строй и цеховой строй как определенные виды разделения труда, которые опираются прежде всего на «свои специфические орудия производства» [14], но отнюдь не могут устанавливаться декретами «сверху» вне исторически сложившихся социально-экономических условий.

У индейских племен атапасков зачатки кастовой тенденции эволюции родового строя, как и процесс классообразования в целом, не получили и не могли получить в тех условиях сколько-нибудь полного развития. «Узы родства, — говорит К. Маркс, — не дают возможности возникнуть какой бы то ни было аристократии в законченной форме: братство и чувство равенства остаются» (стр. 313).

Развитие родов, фратрий (курий) и племен в союзы племен и народность с дальнейшей дифференциацией населения по социально-классовым группам на основе рабства стало стержнем исторического процесса в древней Греции и древнем Риме. Напротив, кастовая обособленность занятий и образа жизни, престижная иерархия каст знаменовали собой другой путь социально-имущественного расслоения, лежащего за пределами родового общества. Этот вариант развития пробил себе дорогу в древней Индии и частично в некоторых самобытных цивилизациях Тропической Африки. В виде социальных рангов «старшинства» сходная тенденция проявилась в древнем Китае, в Меланезии, ряде африканских стран.

Р о д и о б щ и н а. Значительно слабее у Моргана представлено соотношение рода и общины. Он не различает по существу род как ячейку социального управления и регуляции (вплоть до вызревания индивидуальной семьи) производства самого человека и общину как ячейку организации материального производства, первоначально совпадающую с родом [15]. Вообще развитие хозяйства и орудий труда рассматриваются Морганом в известном отрыве от социальных форм, в которых оно осуществляется и которые оно порождает. В силу этого род в моргановской концепции как бы поглощает общину, хотя терминологически последняя и фигурирует в тексте книги, правда, как бы мельком, вскользь, как род в книге М. М. Ковалевского [16]. Недаром К. Маркс, несомненно под впечатлением работы последнего, неоднократно обращается, конспектируя Моргана, к аналогии с южнославянской задругой и русской общиной (стр. 245, 246, 250).

---

[14] *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 27, с. 405.

[15] Вопрос о соотношении рода и общины до сих пор остается дискуссионным. См.: *М. В. Крюков.* О соотношении родовой и патронимической (клановой) организации.— «Сов. этнография», 1967, № 6; *Д. Д. Тумаркин.* К вопросу о сущности рода.— «Сов. этнография», 1970, № 5. Исследования советских этнографов дают основание для заключения о значительном, но не полном совпадении рода и общины даже в классическом первобытном обществе. В рамках первобытной общины, согласно этой точке зрения, в течение длительного времени существовало различие отношений родства и свойства и постоянное родовое ядро, включавшее, по подсчетам А. И. Першица, примерно три четверти членов общины (*А. И. Першиц.* К вопросу о «третьем типе» социальной организации первобытности.— «Сов. этнография», 1970, № 2).

[16] *М. М. Ковалевский.* Общинное землевладение, причины, ход и последствия его разложения. М., 1879.

Проблема генезиса частной собственности

Заключительную часть книги Л. Моргана, носящую название «Развитие идеи собственности», К. Маркс конспектирует раньше предшествующего ей центрального раздела, посвященного развитию идеи управления. Причем выписки из данной части наиболее обширны. Внимание, уделяемое проблеме собственности, несравненно более значительно, нежели у автора «Древнего общества», уделившего ее изложению менее двадцатой части текста книги. Вместе с тем в конспекте глав, касающихся собственности, практически отсутствуют замечания К. Маркса по адресу Моргана, за исключением реплики о первостепенной роли орудий для добывания огня и возражения против отождествления огораживания с наличием частной собственности на землю (стр. 257, 265). Все это свидетельствует о том, что К. Маркс в конспекте оттенил именно материалистическую сторону моргановской концепции, особенно мысль о трансформации рода в государство только на базе и в связи с процессом возникновения частной собственности.

Далее, Морган акцентирует внимание, как это видно из самого названия, которое он дал IV части своей книги, на развитии идеи собственности, прошедшей, по его мнению, три главных ступени эволюции, зафиксированных в трех основных «порядках наследования». Рост собственности и увеличение числа ее форм Морган склонен рассматривать как результат изобретений. Вместе с тем данный процесс предполагает «усовершенствование социальных учреждений» [17]. При этом автор «Древнего общества» особенно выпячивает духовную сторону вызванных генезисом частной собственности общественных перемен — появление страсти к богатству, стяжательству, обладанию собственностью [18]. Это важный социально-психологический момент, но у Моргана он порою занимает едва ли не ведущее место. К. Маркс в конспекте расставляет иные акценты, показывая, что стремление к богатству, соответствующее направлению ума и других чувств человека, имеет своей основой гораздо более глубинные процессы — обострение имущественного неравенства, эксплуатацию и т. п.

К. Маркс оттеняет в конспекте объективный характер процесса превращения древней общей собственности в частную собственность, размеры которой «стали так огромны, ее формы так *разнообразны*», что «она сделалась силой, непреодолимой для народа» (стр. 269). Главная функция собственности — регулирование отношения людей к объективным предпосылкам производства и результатам общественного труда. Изменение характера производства вследствие развития производительных сил неизбежно увеличивает круг и разнообразие предметов, средств и продуктов труда, число людей и групп, имеющих специфические интересы, втянутых во взаимосвязанную хозяйственную деятельность.

К. Маркс отчеркивает на полях мысль Моргана о том, что рост производства и населения обусловливает к концу высшей ступени варварства «тенденцию к двум формам владения, а именно государственной и частной» (стр. 264). Социальная структура: народ — племя — фратрия (курия) — род — семья — индивид выступает своего рода матрицей дифференциации земли и складывающихся отношений земельной собственности. «После исчезновения этих *социальных корпораций*, — выделяет курсивом и отчеркивает на полях К. Маркс, — *земли, которыми они владели сообща, перешли постепенно в частную собственность. Эти различные формы собственности* показывают, что *древнейшей формой землевладения было общее владение племени; с началом земледелия часть земли, принадлежавшей племени, была разделена между родами*, из ко-

[17] *Л. Г. Морган.* Указ. раб., с. 315.
[18] Там же, с. 316, 325, 329 и др.

торых каждый *владел своей частью сообща*; за этим с течением времени последовало *наделение землей отдельных лиц, а эти наделы в конце концов стали их частной собственностью.* Личное имущество было обычным предметом *частной собственности*» (стр. 265). И если домашние животные были первым подвижным, легко увеличивающимся и отчуждаемым богатством, то начало систематической обработки земли неизбежно *«вело к отождествлению семьи с землей и к превращению семьи* ***в организацию для создания собственности*** (стр. 266). Именно здесь — истоки гибели древних обычаев и появления аристократического духа (см. стр. 266, 269).

Материалы, содержащиеся в книге Моргана, убедительно показывали постепенность, неодолимость и универсальность эволюции общественной собственности в направлении частной. Фундаментальной основой данного процесса был объективный ход развития производительных сил человечества.

Закономерный переход от родового общества к государственности

Часть II «Древнего общества», носящую название «Развитие идеи управления», К. Маркс законспектировал последней. Такая перестановка глав (рассмотрение вначале этапов развития материального производства, эволюции семьи, затем проблем собственности и лишь после этого институтов надстройки) отражает существенное различие методологических позиций Л. Моргана и К. Маркса, вполне соответствуя диалектико-материалистическому представлению о структуре общества как целостной динамичной саморазвивающейся системы.

Историческая концепция Л. Моргана включала в себя три основных переломных процесса: переход от половой организации к родовой (гипотетические построения Моргана в этой области менее всего привлекли внимание К. Маркса и в наименьшей, по сравнению с другими идеями, степени подтверждаются современными научными данными), от родового общества к политическому (центральная идея «Древнего общества») и от него к «высшему социальному строю». Последний представлялся Моргану в чрезвычайно абстрактном виде («демократизм в управлении, братство в общественных отношениях, равенство в правах, всеобщее образование») [19], как выражение негативного отношения к буржуазной цивилизации, которая (К. Маркс специально выделяет это место в своем конспекте) «содержит в себе элементы своего собственного уничтожения» (стр. 269). Поэтому наиболее яркой характеристикой будущего социального строя является сравнение с родовым обществом: «Он (высший общественный строй) *будет возрождением, в высшей форме, свободы, равенства и братства древних родов*» (стр. 269). Однако пути этого возрождения Л. Морган, в отличие от К. Маркса, не видел. К этому выводу его толкнула, скорее всего, интуиция великого историка и социолога.

Одним из основных сюжетов книги Моргана является рассмотрение родового и политического общества, societas и civitas как генетически связанных противоположностей. Им предшествует, по Моргану, «одновременное существование двух организаций, половой и родовой, причем первая занимает центральное положение, тогда как вторая находится еще в стадии возникновения, но развивается, поглощая первую» [20]. Характерно, что К. Маркс в конспекте опускает это место, ограничиваясь осторожным замечанием, что *«организация на основе различия полов*

---

[19] *Л. Г. Морган.* Указ. раб., с. 329.
[20] Там же, с. 31.

пока еще не найдена у диких племен вне Австралии» (стр. 270). Однако данную мысль Моргана следует отметить, ибо по существу тот же алгоритм генетической связи лежит в основе его методологии исследования перехода от родовой организации общества к политической.

Наиболее сильная сторона книги Моргана — рассмотрение родовых институтов как исходной формы социального регулирования, первичной ячейки демократии и самоуправления. К. Маркс пишет в конспекте: «*Древнейшая организация — социальная*, основанная на *родах, фратриях, племенах*; так создалось родовое общество, в котором органы управления имели дело с лицами в силу *их отношения к какому-либо роду или племени*. Эти отношения *чисто личностные*. Затем возникла *политическая организация*, основанная на *территории и собственности*; здесь органы управления имеют дело с лицами в силу их отношения к территории, как, например, *к городскому округу, провинции и государству*» (стр. 274). В данном отрывке — материалистическая квинтэссенция моргановской концепции теоретической связи societas и civitas с учетом того, что «различие между ними глубокое и принципиальное» [21]. Это был перелом в структуре социальных связей. В первом случае их эпицентром был род. Во втором им стало государство, встающее над родовой организацией и низвергающее последнюю. Именно в государстве К. Маркс видит реальное классовое воплощение расплывчатого моргановского civitas (политического общества). Характерно, что, выписывая в конспект мысль Моргана о длительном (около трех столетий) периоде, в течение которого в древней Греции «совершался переход от *родовой организации* к политической (гражданской)», К. Маркс добавляет в скобках: «Он должен был бы сказать, что термин «политический» употреблен здесь в *аристотелевском смысле: политический — городской* и *политическое животное* — горожанин» (стр. 326). В приведенной реплике Маркса помимо существенного для правильного понимания мысли Моргана уточнения заключена важная мысль: развитие родовой организации в направлении государства не исчерпывается греко-римским (полисным) вариантом. Очевидно, там, где основой хозяйственной жизни являлась деревня, а главной социальной ячейкой — община, равно как и у кочевых народов, процесс генезиса государства протекал в русле общих закономерностей, но иными, нежели в греко-римском мире, путями. Данным замечанием К. Маркс как бы предостерегает против неправомерной универсализации выводов Моргана по вопросу генезиса государства, нуждающихся в гораздо более глубокой разработке.

И тем не менее отмеченные К. Марксом аспекты моргановской концепции древней истории, характеризующие закономерный процесс трансформации societas в civitas, сохраняют свою методологическую плодотворность и теперь, спустя столетие. Об этом, в частности, свидетельствует ее применение в современной египтологии. Так, по мнению М. А. Коростовцева, номы «первоначально были, несомненно, племенной территорией, а затем, по мере вытеснения societas новой формой организации, постепенно становились округами в ее структуре. В конечном счете они превращались в небольшие civitas, сохраняя, однако, множество совершенно явных следов прежнего родо-племенного societas. В этом отношении они существенно отличались от общеегипетского civitas, не связанного генетически с родо-племенной организацией и складывавшегося уже на такой стадии развития, когда в структуре номов произошли значительные изменения в направлении их превращения из societas в civitas. Общеегипетское civitas, с самого начала формировавшееся как таковое, во времена Древнего (или Старого) Царства было как бы суперструктурой над номовыми civitas, сохранившими в то же время многие черты прежнего societas. И это сосуществование в течение многих столетий черт

[21] *Л. Г. Морган.* Указ. раб., с. 40.

societas и civitas прослеживается в Египте на протяжении всей истории страны. Когда по каким-либо причинам суперструктура civitas ослабевала и утрачивала контроль над множеством мелких единиц, сохранивших немалое число черт родо-племенного societas, воздействие таких черт на жизнь мелких единиц civitas резко усиливалось и территория долины Нила превращалась в конгломерат последних (хотя, конечно, самый процесс превращения номов из societas в civitas имел необратимый характер») [22].

Эти соображения представляются заслуживающими внимания, но не вполне понятно, почему для теоретической реконструкции неясных периодов истории Древнего Египта необходимо обращаться к понятийному аппарату и методологическим конструкциям Л. Моргана в том виде, в каком их сформулировал сам автор (который последовательным материалистом, как известно, не был), а не к конспекту К. Маркса, где текст первоисточника подвергся существенной диалектико-материалистической корректировке, в том числе в аспекте, интересующем египтологов. Не потому ли, что конспект «Древнего общества» до сих пор не получил должного признания и освещения [23] в современном обществоведении как вполне самостоятельное теоретическое произведение К. Маркса? В то же время в несравненно более известной книге Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства», естественно, абсолютно все замечания, дополнения, реплики К. Маркса найти отражения не могли. Да и проблемы истории древнего Востока в книге Ф. Энгельса также в значительной мере остались в тени.

Генезис государства

Смена родовой организации социального управления политической, государством — не акт, а процесс: постепенный, длительный, полный противоречий и драматизма. В конспекте Маркса более отчетливо, чем в самой книге Моргана, выступают контуры генетической структуры данного процесса и его методологической «середины» — переходной ступени. Если Морган обращает больше внимания на неизбежность разложения рода и реликты родовых институтов в учреждениях государства, то К. Маркс, напротив, стремится акцентировать их коренное, принципиальное отличие, перенося центр внимания на генезис государства.

Развитие производительных сил эпохи неолитической революции (примерно соответствующей периоду варварства в моргановской периодизации древней истории) неизбежно выявило локальную ограниченность и низкую эффективность за пределами кровнородственных групп «*личного управления, основанного на родовом строе*» (стр. 290). Увеличение территорий, охваченных взаимосвязанными хозяйственными процессами и регулярным обменом, рост числа людей, включенных в целостные производственные комплексы, усложнение самой структуры их отношения к природе и друг к другу, в частности в связи с углублением разделения труда,— все это объективно вело к девальвации родов, фратрий и племен как источников власти, к выведению из-под их контроля все новых и новых видов производственной и общественной деятельности. «*Ввиду неспособности родовых учреждений* удовлетворять усложнившиеся потребности общества, у *родов, фратрий и племен были постепенно отняты все гражданские права и переданы новым избирательным корпорациям.* Одна система, — резюмирует К. Маркс, — постепенно исчезала, другая по-

---

[22] *М. А. Коростовцев.* Египтология в свете этнографических исследований Льюиса Генри Моргана.— «Сов. этнография», 1976, № 3, с. 72.

[23] В некоторой (к сожалению, крайне незначительной) мере данный пробел заполняет монография В. Н. Никифорова «Восток и всемирная история» (М., 1975).

степенно входила в силу, *в течение некоторого времени обе они существовали бок о бок*» (стр. 338).

Разложение родового управления происходило, как выяснил Морган, путем дифференциации власти родового совета вождей вначале в процессе передачи все возрастающей части его полномочий главному военачальнику племени, должность которого Л. Морган называет опасной, но необходимой (благодаря этому складывается правление двух властей), а затем народному собранию и высшему военачальнику (правление трех властей). Последняя ступень — граница процессов разложения рода и непосредственного генезиса государства. Л. Морган назвал ее военной демократией, которую характеризовал преимущественно военным состоянием общества эпохи высшего варварства и системой управления, состоящей из выборного и сменяемого верховного вождя, совета старейшин и народного собрания. К. Маркс особое внимание обращает на критику Морганом средневековых хронистов и буржуазных ученых за отождествление верховного военного вождя варварских племен Нового и Старого Света с монархом. «Европейские ученые, в большинстве своем прирожденные лакеи, — пишет К. Маркс, — превращают басилея в монарха в современном смысле слова. Против этого протестует республиканец — янки *Морган*» (стр. 336).

Что касается социальной сущности военной демократии и ее места в древней истории, то этот феномен, открытый Морганом и одобрительно воспринятый основоположниками марксизма, уже столетие плодотворно исследуется мировой исторической наукой. Вместе с тем вокруг содержания данного понятия и его периодизации дискуссии продолжаются до сих пор [24]. Представляется, в частности, неправомерной идущая от Моргана тенденция универсализации военной демократии как переходной формы генезиса государства. В принципе в условиях иных, нежели в Средиземноморье предантичной и античной эпохи, военная демократия, несомненно, принимала отличные от моргановской модели формы, например у кочевников-скотоводов, либо процесс генезиса государства мог идти в тех или иных регионах (например, в обществах с развитым ирригационным земледелием) главным образом через переходные формы типа восточной деспотии в ее исторически ранних вариантах. Кроме того, вызывает сомнение встречающаяся не только у Моргана, но и в ряде гораздо более поздних работ попытка «напрямую» вывести учреждения государства из институтов военной демократии, а последние непосредственно из родо-племенной организации. Современная наука позволяет существенно глубже, чем столетие назад, дифференцировать противоположные (в частности, восточнодеспотические и военно-демократические) тенденции, а также закономерные стадии объективного процесса генезиса государства. Важно отметить, что К. Маркс в своем конспекте книги «Древнее общество», одобрительно отнесясь к открытию Морганом военной демократии, не давал вместе с тем ни малейшего повода к трактовке этой универсальной по сути дела тенденции генезиса государства как «заполняющей» собой все многообразие источников и форм протекания этого длительного противоречивого процесса.

Итак, под влиянием развития производительных сил, усложнения хозяйственной деятельности и увеличения плотности населения происходит дифференциация сфер регулирования и полномочий, прежде всецело принадлежавших родо-племенной организации. Военная, судебная, административная власть постепенно передавались специализированным обще-

---

[24] См. *С. П. Толстов*. Военная демократия и проблема «генетической революции».— «Проблемы истории докапиталистических обществ», 1935, № 7—8; *И. И. Потехин*. Военная демократия матабеле.— «Труды Ин-та этнографии АН СССР», т. XIV, М., 1951; *Ю. П. Аверкиева*. О месте военной демократии в истории общества. М., 1968; *А. М. Хазанов*. «Военная демократия» и эпоха классообразования.— «Вопросы истории», 1968, № 12, и др.

ственным учреждениям. «Шаг за шагом, — констатировал К. Маркс, конспектируя труд Моргана, — из *общей суммы полномочий*, которыми народ облек *первоначальный совет вождей, образовались путем дифференциации различные виды власти*. Этот *переходный* период... *время постоянных беспорядков* вследствие коллизии властей и злоупотребления еще недостаточно точно определенными полномочиями, а также несостоятельности старой системы управления; этим была вызвана также необходимость замены *обычного права писаным законом*. Этот переход длился столетия» (стр. 338—339).

Вместе с тем, обсуждая проблему «перенесения власти» с родов, фратрий и племен на сословно-профессиональные классы, К. Маркс оспаривает оценку реформы Тесея, данную Морганом. Предположение Маркса, непосредственно не опиравшееся на специальную литературу, отличается методологической глубиной. К. Маркс подчеркнул, что роды переходного периода уже не отличались прежней целостностью и монолитностью, они были подорваны изнутри углубляющимся имущественным неравенством и профессионально-должностными различиями. Поэтому друг другу противостояли не просто родовая система, с одной стороны, и формирующееся государство — с другой, а социально неоднородные, чреватые внутренними противоречиями и конфликтами родо-племенные организации и соответственно противоположные интересы, стремления, притязания, с которыми выступали на общественной арене вновь складывающиеся по имущественно-властному и профессионально-должностному признакам социальные группы. Последние так же, как «верхи» и «низы» родо-племенной иерархии, намеревались реализовать свои специфические социальные интересы с помощью рождающегося государства. «*Вожди родов* и т. п. благодаря своему богатству и т. д. уже вступили в *конфликт* с членами *родов* — *массой* населения, что неизбежно при существовании частной собственности на *дома*, *земли и стада*, связанной с *моногамными семьями*», — добавляет К. Маркс к конспекту текста Моргана (стр. 340).

В методологическом смысле процесс смены родо-племенной организации социального регулирования государством представляет собой диалектическое единство двух в известной мере противоположных и в то же время генетически смыкающихся (порою переплетающихся) процессов. Один из них — снижение эффективности, постепенное и неуклонное разложение родо-племенных структур власти под воздействием развития производительных сил, усложнения хозяйства и общественной жизни. Другой — непосредственно генезис государственных учреждений под действием стихии частной собственности и возрастающей коллизии интересов собственников и несобственников основных средств производства.

Морган был склонен к отождествлению данных тенденций, хотя подспудно чувствовал их стадиальную последовательность и неоднородность общественных условий, лежащих в их фундаменте. В конспекте К. Маркса в гораздо большей степени прослеживается их различение и взаимосвязь. К. Маркс подчеркивает, что второй процесс зарождался в недрах первого. Он выделяет курсивом в конспекте слова о том, что «*правящая корпорация сахемов* была *представительной демократией* архаического типа» (стр. 301).

В течение длительного времени власть совета вождей все более ограничивалась и подрывалась внедрением в родо-племенную организацию, прежде охватывавшую безраздельно все общественные структуры и дела, территориального (стр. 342), а затем аристократического (стр. 358) элементов. Под покровом последних подспудно зрело крушение родо-племенной власти, ибо, как подчеркивал К. Маркс в своем конспекте, «*независимо от территории имущественные различия* в одном и том же роде превратили общность интересов в антагонизм между его членами; кроме того, наряду с землей и скотом приобрел решающее *значение денежный*

капитал, а также развитие рабства» (стр. 343). Последним оплотом, своеобразным реликтом духовной жизни умирающей родо-племенной организации оставалась религиозная деятельность. «Нелепый *религиозный* элемент, — тонко заметил К. Маркс, — становился самым главным фактором для рода по мере того, как исчезали *реальное сотрудничество* и *общая собственность*; запах ладана — он-то оставался» (стр. 333).

Институциональные предпосылки генезиса государства складывались в процессе «расщепления» объективно усложнявшейся деятельности рода по социальному регулированию на ряд взаимосвязанных ее типов: 1) функцию защиты и захвата с оружием в руках объективных предпосылок производства, а затем вооруженного подавления и принуждения людей; 2) функцию рефлексивного управления, манипулирования поведением масс, обусловленную, как отмечает К. Маркс в конспекте, «*изобретением идолов* и *человеческими жертвоприношениями*, служившими средством приобретения власти над людьми» (стр. 319); 3) функцию координации общественных дел в локальном и общенародном масштабе. Соответственно вычленению и развитию данных властных функций происходила кристаллизация исполнявших, а затем узурпировавших их привилегированных социальных групп — аристократии (включавшей верхушку военно-демократических структур), жреческих корпораций и административно-чиновничьей прослойки. К. Маркс отмечает в конспекте, что вначале войну вели добровольцы (стр. 292), а богослужение — избранные общиной лица (стр. 350, 356), и лишь позднее — в процессе формирования государства — сложились аристократическое и жреческое сословия господствующего класса.

Но было бы неправомерно, как уже отмечалось выше, связывать процесс формирования привилегированных социальных групп лишь с генезисом государства. Стихия частной собственности не только стимулировала тенденцию возвышения над обществом родо-племенной верхушки, формирования привилегированной группы административных, религиозных и военных лиц, но и порождала рост числа и богатства купцов, дельцов, ростовщиков, нуворишей, т. е. класса крупных собственников.

Складывание греко-римской системы рабовладения как бы соединило эти тенденции социального расчленения воедино, ускорив и придав классическую форму объективным процессам генезиса частной собственности, антагонистических классов и государства. Это косвенно признал в заключении своей книги и сам автор «Древнего общества». Именно рабство, по его мнению, «создало контрасты общественного положения, неизвестные прежним этническим периодам. Рабство, собственность и служебное положение постепенно развили аристократический дух, столь глубоко проникший в современное общество и антагонистичный демократическим принципам, созданным и воспитанным родами. Все это вскоре нарушило общественное равновесие, введя привилегии и различие рангов в среду людей одной национальности, а таким образом стало источником раздора и борьбы»[25]. Материалистическую суть этого рассуждения Моргана К. Маркс обстоятельно воспроизвел в конспекте его книги, акцентируя социально-классовое содержание рассматриваемого Морганом процесса, которое заключалось в том, что крепнущая государственная власть концентрировалась в руках формирующегося господствующего класса.

К. Маркс при конспектировании «Древнего общества» не ограничился выписыванием важных и привлекших его внимание мест книги Моргана. Творчески анализируя ее, К. Маркс акцентировал в конспекте материалистическое содержание концепции Моргана, очистив ее от идеалистических наслоений и элементов метафизического эволюционизма. Обстоятельное изучение К. Марксом открытого Морганом родового строя и

[25] *Л. Г. Морган.* Указ. раб., с. 328, 329.

сквозь его призму исторического движения народов античного Средиземноморья создало предпосылки для детализации и конкретизации материалистической теории всемирно-исторического процесса, ее дальнейшей разработки за счет выявления новых аспектов объективных закономерностей функционирования и развития первобытнообщинной общественно-экономической формации, а также противоречий переходной эпохи от нее к классово-антагонистическому обществу.

Влияние открытия Л. Моргана на творческую эволюцию и теоретические взгляды К. Маркса обнаруживается в его набросках известного письма к В. Засулич, написанных практически сразу после завершения конспекта «Древнего общества». Кстати, здесь К. Маркс непосредственно ссылается на книгу Л. Моргана [26].

После смерти К. Маркса Ф. Энгельс рассматривал свою работу над материалами Моргана и конспектом Маркса «Древнего общества» как «обязанность по отношению к Марксу» [27], как «в известной мере выполнение завещания» [28] последнего. Созданный К. Марксом конспект «Древнего общества» был использован Ф. Энгельсом в процессе написания им на основе материалов, впервые введенных в научный оборот Л. Г. Морганом, фундаментального труда — книги «Происхождение семьи, частной собственности и государства» [29].

KARL MARX ON THE STRUCTURE AND THE LAWS OF EVOLUTION OF THE PRIMITIVE COMMUNITY SOCIAL-ECONOMIC FORMATION: MARX'S SYNOPSIS OF L. H. MORGAN'S «ANCIENT SOCIETY»

In studying the detailed synopsis of L. H. Morgan's book «Ancient Society» compiled by K. Marx between October, 1880 and the beginning of February, 1881, the author comes to the conclusion that Marx's creative interpretation of this source, his remarks and marginal notes and constructively critical observations in the text, all this permits us to regard this synopsis as a completely independent theoretical work of heuristic value, as a methodologically important component of the Marxist theory of the historical process.

From this point of view, K. Marx's ideas concerning the universality of the gentile organization in the historical evolution of mankind, the genetic and functional-and-structural interrelationship between the gens and the family, tribe, caste and community are analyzed in the paper. Attention is focussed upon the way Morgan and Marx revealed the role of gentile institutions in the origin of private property and state power, as well as of the earliest privileged social groups: the priesthood and the aristocracy.

This approach makes it possible to avoid the extremes in opinion to be met with in literature (especially Western literature) with regard to the way Morgan's discoveries influenced the development of the Marxist concept of primitive society; it demonstrates the decisive importance of the methodological re-interpretation of Morgan's concept by the founders of Marxism for its inclusion into the context of a dialectical-materialistic understanding of world history as an objective integrated process.

---

[26] *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 19, с. 402.
[27] *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 21, с. 25.
[28] *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 36, с. 11.
[29] Аналитическое сопоставление взглядов, методологических принципов и результатов исследования Л. Г. Моргана и Ф. Энгельса см.: *И. Л. Андреев.* Философский анализ в трудах Энгельса перехода от первобытнообщинного строя к классовому обществу.— «Ф. Энгельс и современные проблемы философии марксизма». М., 1971, с. 466—500.